

Фото Гравюра Шерера Набогоскии въ Москвѣ.

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ
БАЛУГЬЯНСКІЙ.

М. А. БАЛУГЪЯНСКІЙ.

(Записка его дочери, баронессы М. М. Медемъ).

Мои воспоминанія объ отцѣ моемъ Михаилѣ Андреевичѣ Балугъянскомъ.

Михаилъ Андреевичъ Балугъянскій родился въ Венгріи въ окрестностяхъ Токая ¹⁾. Есть основаніе предполагать, что по происхожденію онъ Славянинъ, а не Венгерець, какъ онъ называлъ себя. О его молодости мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія; извѣстно только, что онъ окончилъ свое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ и уже 20-ти лѣтъ занялъ профессорскую катедру ²⁾. Все его родство состояло изъ одного брата, полковника Австрійской службы. Въ 1803 году изъ Россіи былъ сдѣланъ вызовъ профессоровъ для учреждаемаго тогда Педагогическаго Института, и Михаилъ Андреевичъ принялъ это предложеніе въ числѣ трехъ другихъ профессоровъ ³⁾. Главной побудительной причиной такого рѣшенія было любопытство и сильное желаніе поближе познакомиться съ страной, о которой въ то время за границей ходили чудовищныя слухи и рассказы. Но онъ принялъ это предложеніе только на три года, по истеченіи которыхъ считывалъ непремѣнно вернуться назадъ. Совершивъ самое трудное и тяжелое путешествіе черезъ городъ Лембергъ (Львовъ) по крайне-первобытному способу передвиженія, 4-го Февраля 1804 года онъ

¹⁾ 26 Сент. 1709 г. ст. ст. въ Цемплинскомъ комитатѣ; мать Балугъянскаго была Марія Дубинская. П. Б.

²⁾ Катедру „политическихъ наукъ и куріального стила“. П. Б.

³⁾ В. Г. Кукольникъ и П. Д. Лодій. Балугъянскій занялъ въ Педагогическомъ Институтѣ катедру политической экономіи. П. Б.

прибыль въ С.-Петербургъ, и такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ отъ имени Новосильцова, то онъ прямо къ нему и явился.

Съ этой минуты начинается его дѣятельность въ Россіи. Его обширныя научныя познанія и далеко недюжинный умъ дали ему возможность занять довольно видное положеніе. Въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ въ Коммиссію Законовъ, гдѣ впервые столкнулся и работалъ вмѣстѣ съ Розенкампомъ и Сперанскимъ. Начало его сношеній съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, «неизбѣжнымъ» Новосильцовымъ и графомъ Строгановымъ, которымъ дано было прозвище «тріумвиратъ», относится также къ этому времени.

По прошествіи трехъ лѣтъ его дѣятельность оказалась настолько значительной и полезной, что его просили продолжить пребываніе въ Россіи еще на три года, потомъ еще на три, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, онъ откладывалъ свой отъѣздъ съ года на годъ; а между тѣмъ его связь съ Россіей все росла и росла, такъ что въ концѣ концовъ онъ настолько сроднился съ нею, что сталъ считать ее своимъ новымъ отечествомъ и оставался въ ней до конца жизни.

1810-й годъ былъ, по его собственному признанію, однимъ изъ счастливыхъ годовъ его жизни и служебной карьеры; кругъ его дѣятельности въ этомъ году значительно расширяется, положеніе въ обществѣ упрочивается, и онъ быстро подвигается впередъ. Въ этомъ же году ему назначена была пенсія въ 3 тыс. рублей ассигнаціями.

Первыя мои воспоминанія объ отцѣ относятся къ тому времени, когда мы жили на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ католической церкви. Днемъ, когда отецъ уходилъ на службу, его скромно-меблированный кабинетъ былъ любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ; вечеромъ же это была рабочая комната дѣловаго человѣка. Я какъ теперь вижу отца стоящимъ передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ, въ халатѣ, и работающимъ до глубокой ночи. Когда онъ получилъ назначеніе преподавателя политической экономіи Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, тогда почти все лѣто мы проводили въ Павловскѣ; квартира наша была во дворцѣ, гдѣ старинное убранство и обстановка до сихъ поръ оставили слѣды въ моей памяти. Помнятся мнѣ также прелестный Розовый Павильонъ, колонны, стѣны, окна и потолокъ котораго были перевиты роскошными гирляндами искусственныхъ розъ; и великолѣпный паркъ, въ которомъ Императрица любила иногда проѣхаться верхомъ, сидя на лошади помужски: она находила этотъ способъ ѣзды болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. При этомъ ея роскошный и крайне-изящный костюмъ ловко обхватывалъ ея граціозный станъ и ниспадалъ тысячами складокъ, прелестно драпируясь по бокамъ лошади. По ея же

желанію въ Павловскѣ была устроена ферма, въ которой каждый по-сѣтитель, конечно безвозмездно, получалъ кружку молока или тарелку творогу или что-нибудь подобное. Ей очень нравилось, когда гуляющіе заходили на ея ферму и пользовались деревенскимъ угощеніемъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна всегда присутствовала на лекціяхъ, которыя читалъ мой отецъ. Однажды молодые князья опоздали къ лекціи и, когда они вошли, то Императрица, ожидавшая уже нѣкоторое время, сдѣлала имъ выговоръ. Великій Князь Николай Павловичъ, посмотрѣвъ на часы, сталъ извиняться тѣмъ, что они опоздали только на пять минутъ. «N'oubliez pas, mon fils, отвѣчала Императрица, que dans cinq minutes on peut perdre un empire» ¹⁾.

При этихъ лекціяхъ вниманіе Великихъ Князей иногда ослабѣвало, и тогда Михаилъ Андреевичъ постоянно обращался къ нимъ съ слѣдующими словами: «Daignez, monseigneur, considérer l'importance de ce sujet». Эта обычная фраза въ такихъ случаяхъ врѣзалась сильно въ память Николая Павловича ²⁾, и онъ впослѣдствіи встрѣчалъ Михаила Андреевича этими же самыми словами.

Къ этому же времени относится начало сношеній отца съ разными министерствами и почти со всѣми существовавшими въ то время значительными личностями; на него уже возлагаются разнаго рода отдѣльныя работы, которыя очень часто поручались ему Государемъ.

Въ 1819 году Педагогическій Институтъ былъ преобразованъ въ Университетъ. Не умѣю сказать, сейчасъ ли отецъ былъ назначенъ ректоромъ или спустя нѣкоторое время; но въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ уже занималъ эту должность, и вотъ фактъ, который подтверждаетъ это. Однажды отецъ объявилъ намъ, что онъ ѣдетъ на конференцію въ Университетъ и вернется домой къ обѣду. На этой конференціи должно было разбираться дѣло нѣсколькихъ студентовъ и четырехъ профессоровъ, которые въ своихъ сужденіяхъ, взглядахъ и поступкахъ рѣзко отличались отъ сотоварищей. Какъ извѣстно, эпоха мистицизма была тогда въ самомъ разгарѣ, такъ что столкновенія противоположныхъ партій случались весьма нерѣдко. Вопросъ шелъ объ исключеніи изъ Университета заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности и вольнодумствѣ студентовъ и профессоровъ. Отецъ сильно и горячо отстаивалъ обвиняемыхъ, но враждебная ему партія съ Магницкимъ во главѣ одержала верхъ ³⁾. Онъ возвратился изъ конференціи

¹⁾ Не забывай, что въ пять минутъ можно лишиться имперіи.

²⁾ Благоволите, ваше высочество, сообразить важность этого предмета.

³⁾ Сохранилось преданіе, что въ одно изъ засѣданій по этому дѣлу Бадугьянскій говорилъ съ такою горячностью, что упалъ въ обморокъ. Н. В.

около часу ночи, крайне взволнованный и раздосадованный. На наши разспросы онъ отвѣчалъ, что сложилъ съ себя должность ректора и выходитъ въ отставку. Это рѣшеніе соответствовало его сильному и независимому характеру; онъ не задумался надъ тѣмъ, что у него большое семейство, а средства ограничены, и ни минуты не колебался пожертвовать своимъ благосостояніемъ для защиты невинныхъ людей. Поведеніе его въ этомъ случаѣ было оцѣнено свыше, и онъ вскорѣ получилъ назначеніе въ члены Комиссіи Законовъ, которую хотѣли преобразовать на новыхъ основаніяхъ и началахъ.

Въ 1821 году, послѣ нашего выпуска изъ Евтерининскаго Института, отецъ повезъ меня съ сестрой въ Аничковскій дворецъ представить Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій Великій Князь Николай Павловичъ, который присутствовалъ при этомъ представленіи, объявилъ, что желаетъ похвастать своимъ сыномъ и, не смотря на протестъ Великой Княгини, ввелъ всѣхъ троихъ въ спальню сына, отворилъ ширму, разбудилъ спящаго ребенка и вынулъ его изъ кровати, утверждая при этомъ, что солдатъ долженъ быть готовъ во всякое время. Потомъ, поставивши сына на полъ, самъ сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, взялъ громадный барабанъ и подъ звуки выбиваемаго имъ самимъ марша заставилъ сына маршировать.

Осенью 1823 года отецъ со всей семьей переѣхалъ въ домъ Комиссіи Законовъ, бывшій Миниха, на Литейномъ проспектѣ съ своей прежней квартиры въ домъ Камеръ-Коллегіи на Екатерининскомъ каналѣ у Большаго театра. Работы въ Комиссіи шли не очень успѣшно, потому что председателемъ этой Комиссіи былъ Розенкамповъ, несоответствовавшій этому назначенію. Для Михаила Андреевича же здѣсь, какъ и вездѣ, работы было крайне много, и онъ по прежнему работалъ съ утра до ночи.

Въ 1821-мъ году, въ эпоху сильнаго развитія и распространенія мистицизма, является мадамъ Крюднеръ съ своимъ вліяніемъ на Императора. Всякій день въ шесть часовъ Государь приходилъ къ ней съ нѣсколькими приближенными, въ числѣ которыхъ былъ князь Александръ Голицынъ, Галаховъ и другіе (кажется, и Магницкій) и проводилъ у нея большую часть вечера. Въ ея комнатѣ стоялъ чрезвычайно изящный образъ Покрова Богородицы, нарисованный съ большою бѣлою пеленою; это былъ подарокъ Императора, и здѣсь-то все собравшееся общество проводило время въ молитвѣ и поученіяхъ. Все это мнѣ передавала мадамъ Крюднеръ.

Здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны было подорвано, и доктора предписывали ей южный климатъ. Въ 1825-мъ году Государь поѣхалъ проводить ее въ Таганрогъ съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться вмѣстѣ съ нею. Въ послѣднее время онъ сдѣлался къ ней крайне внимательнымъ, и это сильно ее ободряло и поддерживало. Послѣ ихъ отъѣзда всѣ опасенія были за жизнь Императрицы, и можно себѣ представить, какой страхъ и ужасъ объялъ Россію, когда 27-го Ноября 1825 года въ С.-Петербургъ прибыло извѣстіе о внезапной кончинѣ Императора. Всѣмъ извѣстно, что присяга была тотчасъ же принесена Константину Павловичу, и первый былъ Николай Павловичъ, который присягнулъ вмѣстѣ со всею Россіею своему старшему брату; но тотъ съ своей стороны отрекся отъ престола въ пользу Николая Павловича. Произошло небольшое замѣшательство; начались переговоры, которые длились около двухъ недѣль, и наконецъ 13-го Декабря было рѣшено, что на другой день совершится окончательная присяга императору Николаю Павловичу.

13-го Декабря я пріѣхала навѣстить моихъ родителей и услышала, что Великій Князь Николай Павловичъ присылалъ за моимъ отцомъ и что тотъ отправился къ Его Высочеству. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія отца, чтобы убѣдиться въ справедливости слуха о присягѣ Николаю Павловичу. Вернувшись изъ дворца около полуночи, отецъ разсказалъ намъ о душевномъ приѣмѣ, сдѣланномъ ему Великимъ Княземъ. Николай Павловичъ его обнялъ и объявилъ, что завтра взойдетъ на Россійскій престолъ.

Отецъ оставался у него очень долго; но полного разговора съ Великимъ Княземъ онъ намъ не передалъ, а сообщилъ только нѣкоторые отрывки. Вотъ одинъ изъ нихъ, довольно рельефно характеризующій какъ личность, такъ и намѣренія Великаго Князя. «Я желаю», сказалъ онъ, «положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ». При этомъ, выйдя въ другую комнату, онъ принесъ бюстъ Петра Великаго, поставилъ его на свой письменный столъ и съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ: «Вотъ образецъ, которому я намѣренъ слѣдовать во время моего царствованія».

Николай Павловичъ любилъ моего отца, довѣрялъ ему, и коснувшись необходимости возстановить законы, слегка коснулся нѣкоторыхъ проектовъ по этому поводу. Тутъ же впервые было упомянуто имя Сперанскаго. Государь, признавая его обширныя государственныя способности, не особенно довѣрялъ ему и даже не любилъ, такъ что въ этотъ же самый разговоръ было рѣшено, что отецъ мой будетъ сотрудникомъ Сперанскаго при составленіи и пересмотрѣ законовъ

Надо замѣтить, что послѣ возвращенія Сперанскаго изъ ссылки и послѣ его генераль-губернаторства въ Иркутскѣ онъ никогда уже не былъ приближеннымъ къ императору Александру. Сперанскій чувствовалъ это, огорчался этимъ и оскорблялся, но никакъ не могъ возвратитъ прошлаго и добиться прежняго вліянія, и только со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича для него начинается новая эпоха дѣятельности и силы.

Вскорѣ явился указъ объ учрежденіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сперанскому было поручено управленіе, а отецъ назначенъ начальникомъ Втораго Отдѣленія. Съ этого времени началась работа, плодами которой мы пользуемся въ настоящее время. Для отца это было началомъ его ревностныхъ, усиленныхъ и въ высшей степени напряженныхъ трудовъ. Всѣмъ было достаточно работы, но на долю отца приходилось больше всѣхъ; всѣ имѣли какой-нибудь отдыхъ, а онъ никакого; онъ не щадилъ ни здоровья, ни трудовъ и работалъ, работалъ безъ устали съ утра до ночи.

При учрежденіи этой комиссіи прежде всего было опредѣлено передѣлать самое помѣщеніе, и на это была ассигнована особая сумма. Канцелярію перевели во второй этажъ, а мы спустились въ первый. Къ осени 1826 года работы были окончены, т.-е. ко времени возвращенія Государя изъ Москвы послѣ коронаціи.

7-го Ноября 1826 года вбѣгаетъ нашъ лакей съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Государь Императоръ. Отца моего не было дома, матушка моя немного замаялась, а я быстро бросилась бѣжать встрѣчать Государя. Онъ стоялъ у запертыхъ дверей канцеляріи, а я, сдѣлавши ему внизу лѣстницы глубокой институтскій реверансъ, подошла къ нему, извинила отсутствіе отца, освѣдомилась, не угодно-ли Его Императорскому Величеству осмотрѣть канцелярію и если да, то я знаю, къ кому обратиться. Государь отвѣчалъ очень любезно, что онъ дѣйствительно желаетъ взглянуть на сдѣланныя передѣлки, и я тотчасъ же приказала дрожавшему сторожу принести отъ экзекутора ключи. Въ этотъ промежутокъ времени мы ходили взадъ и впередъ, и Государь извинялся, что онъ потревожилъ наше семейство выѣздомъ изъ этого этажа. Когда открыли двери, то онъ вѣжливо требовалъ, чтобы я прошла впереди его. Въ канцеляріи мы вдвоемъ ходили по всѣмъ комнатамъ и Государь разговаривалъ благосклонно и любезно, а я свободно и смѣло, совершенно забывая, что стою предъ властелиномъ всей Россіи. Государь умѣлъ быть любезнымъ такъ, какъ никто. Его посвѣщеніе продолжалось около получаса. Когда онъ уѣзжалъ, то я

побѣжала къ окнамъ въ наши комнаты и видѣла, какъ онъ пристально смотрѣлъ въ окна, чтобы поклониться мнѣ.

Когда отецъ возвратился къ обѣду, то я передала ему слово въ слово все случившееся и упрашивала его поѣхать къ Государю въ тотъ же вечеръ. Отецъ отказывался, ссылаясь на то, что онъ не имѣетъ права явиться безъ зова къ Государю; но я такъ настаивала, что онъ, наконецъ, уступилъ и отправился во дворецъ.

Камердинеръ тотчасъ доложилъ о его пріѣздѣ, и Императоръ немедленно его принялъ. Онъ ввелъ его въ комнату Императрицы, гдѣ они втроемъ пили чай, который Императрица разливала собственноручно. При этомъ Государь подробно разсказалъ утреннее происшествіе и, взявъ листъ бумаги, набросалъ карандашомъ всю эту сцену. Себя онъ представилъ Марсомъ, а меня Минервой, вводящей его въ храмъ Мудрости. Картина была красивая; отецъ ее видѣлъ. Государь былъ веселъ, обласкалъ отца и велѣлъ мнѣ кланяться. Съ этой поры при дворѣ Императрицы меня называли Минервой.

Въ 1827 году я вышла замужъ; передъ свадьбой отецъ ѣздилъ со мною въ Павловскъ, чтобы представить меня императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ то время тамъ былъ Михаилъ Павловичъ и по своему доброму расположенію къ отцу требовалъ, чтобы меня вѣнчали въ Михайловскомъ дворцѣ. Онъ былъ моимъ посаженнымъ отцомъ.

Послѣ напряженныхъ трудовъ, въ 1828 году, мой отецъ ѣздилъ въ Карлсбадъ для подкрѣпленія здоровья. Въ эти годы его вліяніе становилось значительнѣе и значительнѣе; многіе заискивали его расположеніе съ тѣмъ, чтобы чрезъ него попасть въ домъ Сперанскаго. Я читала множество записокъ, которыя могли бы служить доказательствомъ этого; но онѣ не сохранились. Нечего и говорить, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла въ Коммиссіи Законовъ.

Въ его канцеляріи служащимъ было очень хорошо: награды такъ и сыпались на нихъ. Отецъ умѣлъ цѣнить трудъ и потому пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы давать награды трудящимся молодымъ людямъ. Осторожный Сперанскій часто не хотѣлъ соглашаться на его представленія; но отецъ настаивалъ на этомъ. Былъ случай, что Сперанскій рѣшительно отказался сдѣлать представленіе изъ боязни отказа Государя и сказалъ отцу: если хотите, то ходатайствуйте сами предъ Государемъ, а я этого не сдѣлаю. Тогда отецъ немедленно написалъ письмо къ Императору и настойчиво просилъ его соизволенія. Государь утвердилъ, и всѣ получили свои значительныя заслуженныя награды. Вообще отецъ мой съ чисто-отеческимъ попеченіемъ заботился о служащихъ и всегда давалъ возможность выдвинуться впередъ талантливымъ людямъ. Онъ мнѣ

указывалъ на Радона, Деяшова, князя Урусова и многихъ другихъ, какъ способныхъ и много общавшихъ молодыхъ людей. Впослѣдствіи его предсказанія оправдались, и мы въ этомъ можемъ убѣдиться, припомнивъ, что Замятинъ, бывшій министръ юстиціи, баронъ Корфъ, сенаторъ Цеймернъ, Иванъ Христіановичъ Капгеръ, всѣ они служили во Второмъ Отдѣленіи при отцѣ.

Въ 1845 году здоровье его разстроилось, и зрѣніе стало слабѣвать. Медики, въ искусство которыхъ онъ такъ искренно не вѣрилъ, послали его за границу; я съ моею дочерью и братомъ сопутствовали ему въ его поѣздкѣ. Мы отправились моремъ въ Гамбургъ. При проѣздѣ черезъ Прагу, со стороны Чеховъ и Славянскаго населенія была сдѣлана ему самая радушная встрѣча. Ганка явился къ намъ и предложилъ всевозможныя услуги. Онъ всѣми силами старался познакомиться насъ со всѣмъ развитіемъ и успѣхомъ Славянскаго дѣла, уговорилъ насъ поѣхать на первое представленіе Чешскаго театра (гдѣ, по недостатку мѣстъ, намъ предложили помѣститься за кулисами, на самой сценѣ, но конечно въ сторонѣ, невидимой для публики), посѣтить пріюты, школы, имѣ самимъ основанный музеумъ, семейные вечера, на которыхъ читали Лермонтова и Пушкина и всѣ безъ исключенія должны были говорить по-чешски или по-русски, однимъ словомъ старался сдѣлать наше пребываніе въ Прагѣ самымъ пріятнымъ. Съ тѣхъ поръ у отца завязалась съ нимъ переписка, въ которой я также принимала участіе; но къ сожалѣнію она у меня не сохранилась.

Изъ Праги мы отправились въ Теплицъ. Здѣсь отца посѣщали его старые знакомые княгиня Кляри, графъ Фикельмонъ и другіе; большею частію это случалось послѣ купанья, когда отецъ оставался дома, и я ему читала вслухъ газеты. Изъ Теплица мы поѣхали въ Вѣну, гдѣ отецъ посѣтилъ Университетъ, показалъ мнѣ свою бывшую каедрю и портретъ одного своего профессора, которому, по его словамъ, онъ былъ такъ много обязанъ въ своемъ образованіи. Изъ Вѣны мы поѣхали въ Пештъ. На пароходѣ, лишь только услышали фамилію отца, то тутъ же явились Славяне и Венгерцы, которые спѣшили съ нимъ познакомиться и его привѣтствовать. Это радушіе глубоко трогало отца, и онъ съ полною любовью и удовольствіемъ говорилъ по-венгерски то съ тѣмъ, то съ другимъ.

На другой день нашего приѣзда отцу надо было представиться эрцгерцогу-палатину и для этого одѣться въ парадный мундиръ. Старый камердинеръ отца, Гаврила, сопровождавшій насъ въ путешествіи, получилъ наканунѣ приказаніе приготовить мундиръ и все что слѣдуетъ. Вдругъ онъ является ко мнѣ и въ большомъ смущеніи объявляетъ, что забылъ взять съ собою шпагу и шляпу. Зная вспыльчи-

вость отца, я долго не знала, какъ выпутаться изъ этого дѣла; но братъ положилъ конецъ этому недоумѣнью, купивъ первую попавшуюся шапку и шляпу, хотя нисколько не подходящую къ Русскому мундиру, и отецъ въ этомъ нарядѣ, не замѣчая превращенія, преспокойно отправился къ палатину во дворець. Тотъ его принялъ крайне любезно и радушно, и за обѣдомъ взялъ съ отца слово пріѣхать на будущій годъ для празднованія 50-ти лѣтняго юбилея.

Въ Пештѣ отецъ провелъ время самымъ пріятнымъ образомъ, осматрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ онъ бывалъ въ молодости, въ театрахъ и т. п. Тутъ же онъ встрѣтился съ своимъ братомъ и его семьей; его единственная дочь, оставшаяся въ живыхъ, была за мужемъ за Першель-Шандоръ (Perzel), братомъ Морица Першеля, извѣстнаго агитатора и товарища Кошута.

На возвратномъ пути въ Россію, при проѣздѣ черезъ Краковъ, намъ былъ сдѣланъ также прекрасный пріемъ; всѣ замѣчательности этого города были намъ показаны Австрійскимъ консуломъ. Между прочимъ были мы и въ Величкѣ, на соляныхъ копяхъ. Осматривая городъ и имѣя своимъ чичероне консула, мы посѣтили Краковскій соборъ и находящееся при немъ кладбище, гдѣ были три могилы, особенно привлекавшія вниманіе отца. Онъ остановился надъ первой могилой и разсматривалъ ее съ большимъ интересомъ и уваженіемъ; подойдя ко второй (могилѣ Костюшки), онъ снялъ шляпу и глубоко поклонился. Третья была могила Понятовскаго; взглянувъ на нее, отецъ воскликнулъ: «Ого!» и сильно погрозилъ пальцемъ.... Изъ Кракова черезъ Варшаву, мы возвратились въ Петербургъ.

Въ 1846 году отецъ вторично попыталъ поправить свое здоровье поѣздкой за границу (его провожала сестра Дараганъ); но это путешествіе не возстановило его силъ. Въ 1847 году онъ сильно сталъ хворать, почти потерялъ зрѣніе, слухъ его также ослабѣлъ, и разговоръ съ посторонними сдѣлался для него затруднительнымъ. Чтобы онъ услыхалъ, надобно было сильно возвышать голосъ, почти кричать. Кромѣ того на ногахъ показалась рожа. За недѣлю до его смерти ему предписали ванну, которую онъ любилъ и прежде всегда, сидя въ ней, читалъ газеты. Пять дней передъ его кончиной, въ то время, когда я ему читала по-латыни изъ Библии главу объ Іовѣ, доложили о пріѣздѣ барона Модеста Корфа, который пріѣхалъ къ нему съ просьбой объяснить нѣкоторыя сомнѣнія и дать нужныя ему справки по ученой части. Весь городъ узналъ, что отецъ былъ сильно боленъ, но даже и въ это время все-таки хотѣли пользоваться его богатымъ запасомъ знаній. Хотя отецъ чувствовалъ себя довольно плохо, но

тѣмъ не менѣе сообщилъ барону Корфу все, что тому надо было узнать.

Въ послѣдніе дни его страданія увеличились; я слышала, какъ онъ тихо читалъ «Отче Нашъ» и отъ времени до времени повторялъ слова: «да будетъ воля Твоя!» Служащіе въ канцеляріи очень безпокоились, что отецъ не заявилъ формально о своей болѣзни и находили необходимымъ доложить Государю, что онъ чувствуетъ себя очень плохо. Отецъ сначала самъ не хотѣлъ дѣлать этого въ надеждѣ скоро поправиться; но теперь докторъ Арендтъ объявилъ, что наступила полнѣйшая безнадежность и въ виду того, что никто не имѣлъ права (изъ присутствующихъ) извѣстить Государя, намѣревался сообщить отцу его смертный приговоръ, для того чтобы онъ самъ написалъ Государю. Я была такъ взволнована намѣреніемъ Арендта, что, не давая себѣ еще отчета, объяснила, что я сама напишу Государю, лишь бы не беспокоили умирающаго отца. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, а я, не долго думая, бросилась къ столу и на первомъ попавшемся полулистѣ бумаги написала Государю нѣсколько строкъ о приближающейся кончинѣ отца. Въ ту же минуту мой зять Комаръ отвезъ мое письмо во дворецъ. Черезъ полчаса прискакалъ посланный отъ Государя и Михаила Павловича освѣдомиться о состояніи больнаго. Такое вниманіе сильно порадовало старика, и онъ, видимо желая запомнить этотъ день, спросилъ: «Какое сегодня число?» Это было 3-е Апрѣля. Въ два часа онъ покойно скончался, сидя въ креслѣ, въ присутствіи всего семейства и нѣкоторыхъ сослуживцевъ. Въ эту торжественную минуту, когда онъ испускалъ духъ и всѣ пали на колѣни, моя матушка ¹⁾, которая была очень опасно больна, встала съ постели и приказала ввести себя въ комнату умирающаго, чтобы присутствовать при его кончинѣ.

Онъ похороненъ въ Сергіевской Лаврѣ, и на памятникѣ вырѣзано его любимое изреченіе: «да будетъ воля Твоя!»

Грустно, что осталось такъ мало воспоминаній о Михаилѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ и государственномъ дѣятелѣ. Одна изъ причинъ этому лежитъ въ странности или вѣрнѣе оригинальности его характера. Самъ онъ никогда не любилъ говорить о себѣ, не старался быть на виду и не выставялъ себя впередъ. Онъ не приготовилъ себѣ памятника и послѣ себя не оставилъ ни мемуаровъ, ни писемъ, ни записокъ, которыя бы указывали на его желаніе быть оцѣ-

¹⁾ Антуанета Ивановна, урожд. Фонъ-Гегеръ, происхожденія Венгерскаго. П. Б.

неннымъ по заслугамъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей. Тщеславіе было ему незнакомо. Одно изъ любимыхъ его изрѣченій: «vanitas vanitatum» (суета суеть) доказываетъ это. Этимъ изрѣченіемъ онъ нерѣдко останавливалъ даже порывы искренности близкихъ ему людей, которые цѣнили его какъ человѣка и когда о лести не могло быть и рѣчи. Михаилъ Андреевичъ, по складу своего ума, былъ въ полномъ смыслѣ философъ, по привычкамъ же и характеру—оригиналъ. Говорилъ онъ всегда прямо, безъ лукавства и лести, иногда даже и рѣзко; поѣтому разговоръ его не всегда былъ приятенъ собесѣднику, хотя и весьма поучителенъ. Вотъ эпизодъ, который передавалъ мнѣ Алединскій, служившій во второмъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества. Онъ однажды подалъ Михаилу Андреевичу прошеніе по какому-то дѣлу, тотъ его принялъ, прочиталъ и, обернувшись къ Алединскому, сказалъ: «Ты дуракъ, молодой человѣкъ!» «Я оскорбился,» продолжалъ Алединскій «и готовъ былъ вспылить; но, выслушавъ доказательства своего начальника, я долженъ былъ согласиться съ нимъ. Этотъ «дуракъ», прибавляетъ Алединскій, «послужилъ мнѣ урокомъ и свѣтиломъ въ трудностяхъ жизни, и я нерѣдко съ любовью и благодарностію вспоминаю Михаила Андреевича».

Другой случай, также довольно рельефный, былъ во время преній о правахъ и привилегіяхъ Остзейскихъ провинцій. Когда членамъ канцелярій поручено было разработать этотъ вопросъ, то для этого составлена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ отца. Въ ней участвовали также депутаты, присланные отъ разныхъ городскихъ сословій Остзейскаго края. Рѣчь шла о значеніи города Риги. Конечно депутаты горячо защищали важность вліянія и громадность значенія этого города. Отецъ оспаривалъ это мнѣніе и въ минуту самаго оживленнаго спора вскричалъ: «Ваша Рига ist ein Lump!» *) Эти слова страшно взволновали и разсердили депутатовъ; они съ негодованіемъ встали и объявили, что послѣ такого отзыва имъ здѣсь дѣлать больше нечего, прервали самовольно засѣданіе (безъ согласія на то предсѣдателя) и уѣхали изъ собранія. Черезъ нѣсколько дней, вѣроятно опомнившись и послѣ взаимнаго совѣщанія, они опять собрались на новое засѣданіе коммиссіи. Предсѣдатель занялъ слѣдующее ему мѣсто и при полнѣйшей тишинѣ и спокойствіи обратился къ депутатамъ съ вопросомъ: «И такъ, милостивые государи, на чемъ же мы остановились въ прошлый разъ?» Всѣ молчали. Отецъ дѣлаетъ видъ, что онъ припоминаетъ и потомъ воскликнулъ: «Ахъ, да! Теперь я припоминаю, мы остано-

*) Ветошь, дрянъ.

вились на томъ, что Riga ist ein Lump», и послѣ этого приступилъ къ преніямъ.

Наконецъ, вотъ третій случай, также довольно характерный. У насъ въ домѣ былъ принять одинъ молодой человекъ, нѣкто Г. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, жилъ долгое время въ Парижѣ (а въ то время каждый, имѣвшій претензію на человекъ образованнаго, считалъ своею обязанностію побывать въ столицѣ Франціи, хотя не на долго) и, окончивъ свои экскурсіи по Европѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Однажды мы пригласили его къ намъ обѣдать. Въ назначенный часъ онъ пріѣхалъ одѣтымъ по послѣдней Парижской модѣ, съ тщательно расчесаной громадной бородой, однимъ словомъ щеголемъ въ полномъ смыслѣ. Отца еще не было дома и, въ ожиданіи его пріѣзда, мы разговорились съ Г. о его странствованіяхъ, впечатлѣніяхъ и т. п. Вдругъ въ комнату быстро вошелъ отецъ; онъ въ первый разъ видѣлъ Г—ва. Не говоря ни слова, онъ остановился передъ нимъ и, упершись руками въ бока, по своей всегдашней привычкѣ, сталъ пристально всматриваться въ его физиономію; потомъ, тронувъ слегка его бороду, онъ спросилъ: «Qu'est-ce que vous avez là, monsieur. Croyez-vous que c'est beau? Mais vous avez l'air d'un moujik!» ¹⁾ Но это оригинальное и даже неучтивое привѣтствіе своего гостя нисколько не помѣшало отцу любезно разговориться съ нимъ за столомъ.

Балугьянскій любилъ своихъ подчиненныхъ, заботился о нихъ какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ и стоялъ за нихъ горюю. Онъ сдѣлалъ имъ много добра; но все ли помнятъ это? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Напримѣръ баронъ К. и многіе другіе, фамилій которыхъ я не желаю назвать, отпали отъ него послѣ того, какъ исчерпали изъ него все, что могло принести имъ пользу и не нуждались болѣе въ немъ при своихъ повышеніяхъ и искательствахъ. Я хорошо помню, какъ баронъ К. осаждалъ его своими изящными записками и безконечными визитами, пока нуждался въ расположеніи и ходатайствѣ.

Какъ я уже сказала, отецъ имѣлъ обширныя научныя познанія и при этомъ обладалъ необыкновенной памятью, такъ что его голова была настоящимъ энциклопедическимъ словаремъ, которымъ все дорожили, какъ кладомъ. Графъ Нессельроде однажды сказалъ мнѣ: «Votre père était un puits de science, et nous tous allions y puiser» ²⁾. Дитя только встрѣчалась надобность узнать какой-нибудь историческій

¹⁾ Что это у васъ такое? Вы думаете, что это красиво? Но у васъ мужицкій видъ.

²⁾ Отецъ вашъ былъ колодеземъ знанія, и мы все изъ него черпали.

фактъ, случай или просто запасться подробными свѣдѣніями о чемъ бы то ни было, отецъ былъ первымъ, къ кому обращались. Его кабинетъ нерѣдко посѣщали люди самые высокопоставленные и проводили въ разсужденіяхъ долгіе часы. Вообще отецъ имѣлъ громадное знакомство и былъ въ сношеніяхъ со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными людьми своего времени. Графъ Нессельроде любилъ его и хорошо зналъ, потому что они сходились съ нимъ почти ежедневно у его тестя графа Гурьева, бывшаго министра финансовъ; князь Викторъ Кочубей, Уваровъ, Муравьевы, князья Лопухинъ и Хованскій, графъ Мордвиновъ, графъ Лебциелтернъ, графъ Канкринъ, графъ Панинъ, графы Сергѣй и Александръ Строгоновы, Рибопьеръ, Александръ Гумбольдъ, Штейнъ, конечно Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и многіе другіе. Дашковъ и Блудовъ, впоследствии графъ, были также хорошо знакомы отцу. Они оба были секретарями князя Кочубея. Отецъ признавалъ, что Дашковъ по своимъ способностямъ стоялъ выше Блудова. Въ прошломъ 1877 году одинъ изъ сенаторовъ разсказывалъ, какъ однажды *, по всей вѣроятности изъ личныхъ выгодъ, старался убѣдить Государя, устранить отъ дѣлъ отца, въ виду того, что онъ уже старъ и будто бы неспособенъ вести дѣла съ прежнею энергіею. На это Государь отвѣчалъ: «Позвольте, графъ, мнѣ и Михаилу Андреевичу остаться на нашихъ мѣстахъ до нашей кончины!»

Насколько дѣятельность отца была полезна для Россіи, можно судить еще и по слѣдующему. Однажды на раутѣ у графини Разумовской ко мнѣ подошелъ министръ финансовъ Княжевичъ, съ просьбою, нельзя ли отыскать въ оставшихся послѣ моего отца бумагахъ его работу на счетъ освобожденія крестьянъ. При этомъ Княжевичъ прибавилъ, что графъ Гурьевъ нашелъ въ бумагахъ своего отца, министра финансовъ, двѣ первыя части этой работы, но окончательныхъ двухъ томовъ нѣтъ; между тѣмъ изъ письма Михаила Андреевича, приложеннаго къ этой работѣ, надо заключить, что они были написаны, такъ какъ въ письмѣ онъ обѣщаетъ черезъ мѣсяць доставить и остальные двѣ части. Я передала моему сыну Михаилу Николаевичу этотъ разговоръ; онъ отправился къ графу Гурьеву и убѣдился въ подлинности подписи дѣда. Графъ Нессельроде при этомъ случаѣ говорилъ мнѣ, что первые два тома такъ отлично выработаны, какъ вообще все чтò выходило изъ-подъ пера вашего отца, что составляетъ желать найти, во что бы то ни стало, остальные два тома. Разговоръ этотъ былъ въ 1861 году. Спустя нѣкоторое время, мнѣ случилось встрѣтиться съ бывшимъ секретаремъ моего отца—Петерсомъ; онъ утверждалъ, что и остальные двѣ части были переданы имъ же самимъ министру. Надо замѣтить, что работа эта была сдѣ-

лана по личному порученію Государя въ то время, когда объ этомъ въ обществѣ еще ничего не предполагали и не думали. Есть еще одинъ фактъ, который придаетъ этой работѣ важное значеніе. Когда министру графу Киселеву было поручено образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, то онъ обратился за совѣтомъ къ отцу, кого назначить начальникомъ канцеляріи. Тотъ рекомендовалъ статскаго совѣтника Клокова, служившаго во II-мъ Отдѣленіи, какъ способнаго занять это мѣсто. Впослѣдствіи этому же министру было поручено устроить комитеты для разработки вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ; въ этихъ комитетахъ принималъ участіе и Клоковъ. Послѣ долгаго времени, я какъ-то разъ обратилась къ нему съ вопросомъ, какъ подвигаются дѣла и работы въ комитетѣ? На это Клоковъ отвѣчалъ: «Послѣ многихъ преній, разборовъ и раздоровъ, мы все-таки, наконецъ, приняли въ руководство проектъ вашего отца». Изъ этого я заключаю, что онъ говорилъ о той самой работѣ, которая была передана Петерсомъ министру.

Репутація отца, какъ государственнаго дѣятеля, выдающагося изъ ряда посредственностей, была также извѣстна сановникамъ Австрійскимъ; напримѣръ, когда мы были въ Вѣнѣ, то Меттернихъ прямо высказалъ мнѣ свое сожалѣніе, что Австрія не сумѣла удержать у себя Балугьянскаго и оцѣнить его государственныхъ способностей.

Въ 1845 году въ Германіи сильно развилась секта подъ названіемъ новыхъ католиковъ, во главѣ которой стоялъ Котта. Мѣстопробываніемъ своимъ онъ имѣлъ г. Магдебургъ, гдѣ, благодаря своему вліянію, ему удалось добиться разрѣшенія, чтобы служба этихъ сектантовъ производилась въ той же католической церкви, только чередуясь съ обыкновенною. Пріѣхавъ въ Магденбургъ, отецъ сильно желалъ имѣть свиданіе съ Коттою, чтобы отъ него самого узнать ученіе этой новой секты. По желанію отца, я отправилась къ Коттѣ съ приглашеніемъ посѣтить насъ, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось уговорить этого новатора пріѣхать къ отцу въ гостиницу, пришлось рассказать о положеніи отца въ Россіи, выяснить то уваженіе, какимъ онъ пользовался въ нашемъ отечествѣ, намекнуть на его преклонныя лѣта и хилость. Наконецъ, Котта согласился и пріѣхалъ къ намъ, гдѣ засталъ въ сборѣ все наше семейство; кромѣ того у насъ собралось нѣсколько Русскихъ путешественниковъ, остановившихся въ этой же гостиницѣ, и всѣ приготовились слушать пренія между отцемъ и Коттою. Всѣ сѣли; отецъ, облокотившись, сѣлъ въ кресло противъ Котты и, обращаясь къ нему, сказалъ: «Прошу васъ, милостивый государь, сообщить мнѣ ваше ученіе; я сильно имъ интересуюсь». Тогда Котта началъ излагать свои мысли и основы ученія очень

долго и подробно. Отецъ молча слушалъ, далъ ему высказать все и, наконецъ, спросилъ: «Вы окончили, милостивый государь?» Котта отвѣчалъ утвердительно. Отецъ продолжалъ: «Скажите же теперь, отчего мнѣ надо вѣрить вамъ, г. Котта, болѣе чѣмъ Апостолу? Гдѣ то право, на основаніи котораго вы хотите пошатнуть авторитетъ Апостоловъ?»... Отецъ возражалъ долго и самостоятельно и такъ безжалостно загноалъ своими доводами собесѣдника, что тотъ не зналъ, куда дѣться и повидимому чувствовалъ себя крайне неловко. Всѣ присутствовавшіе убѣдились, что въ диспутѣ отецъ мой одержалъ верхъ и разбилъ на всѣхъ пунктахъ Котту, который уѣхалъ конечно очень недовольный своимъ пораженіемъ. Изъ этого факта можно видѣть, насколько сильны были религіозныя убѣжденія отца. Онъ былъ уніатомъ до послѣднихъ дней своей жизни и въ первый разъ приобщался Св. Таинъ въ православной церкви (Симеона) за двѣ недѣли до смерти. Это произошло въ моемъ присутствіи.

Въ частной жизни отецъ былъ человѣкомъ въ высшей степени разсѣяннымъ и даже небрежнымъ въ отношеніи своего туалета. Онъ однажды сказалъ: «еслибы я носилъ подтяжки, то давно былъ бы уже министромъ финансовъ». Однажды онъ поѣхалъ съ докладомъ къ князю Виктору Кочубею; окончивъ свою работу и простившись съ нимъ, онъ вышелъ въ переднюю, ожидая, что швейцаръ накинетъ на него плащъ; но каково же было его удивленіе, когда лакей вмѣсто плаща подаетъ фракъ!

— Это что такое?

— Ваше превосходительство изволили въ этомъ пріѣхать?

— Не можетъ быть! вскричалъ отецъ, подкрѣпивъ эти слова своимъ обычнымъ Итальянскимъ Jugon.

Но швейцаръ увѣрилъ его, что когда онъ пріѣхалъ, то на немъ дѣйствительно было надѣто два фрака.

Я помню то пріятное время, когда мы съ сестрой вышли изъ института; отецъ самъ занимался съ нами Итальянскимъ языкомъ и впоследствии мы читали съ нимъ его любимыхъ авторовъ: Гольдони, Метастазіо и Торквато Тассо. Передъ обѣдомъ мы каждый день ходили съ нимъ гулять, и во время этихъ прогулокъ онъ знакомилъ насъ съ основами архитектуры, объяснялъ намъ различные ордена ея и подробно разбираалъ постройки Растрелли, которыя всѣ проводили его въ восторгъ.

Въ требованіяхъ жизни онъ былъ очень простъ, но у него сильно развитъ былъ вкусъ изящнаго. Онъ любилъ музыку, часто съ удовольствіемъ слушалъ ее; но артистовъ Германской школы, напр. Бетховена онъ не любилъ и предпочиталъ имъ Итальянскую музыку Рос-

сини и другихъ. Самъ онъ игралъ на флейтѣ. Онъ былъ всегда доволенъ, когда вокругъ него веселилась молодежь и даже самъ иногда принималъ участіе въ ея весельи. Нѣсколько разъ случалось, что онъ увлекался нашими танцами и становился въ наши ряды, чтобы протанцевать Венгерскій танецъ. Иной разъ онъ запѣвалъ свою любимую пѣсню: «ѣхалъ казакъ за Дунай». Вообще онъ былъ веселаго нрава. Политикой онъ занимался постоянно и былъ весь поглощенъ ею; политическія свѣдѣнія онъ имѣлъ самыя обширныя: не было значительной книги или замѣчательной газеты, которыхъ бы онъ не читалъ и не составилъ бы себѣ глубоко продуманнаго критическаго взгляда на нихъ. Онъ ежедневно читалъ: «Galignane Messenger»; «Augsburger Zeitung», «Journal des Débats». Онъ питался преніями всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ. Ему также всегда присылались журналы изъ Венгріи, гдѣ всѣ пренія велись въ то время на Латинскомъ языкѣ.

Во время нашего пребыванія въ Гамбургѣ онъ вызвалъ къ себѣ главнаго раввина, человѣка очень почтеннаго, серьезнаго и весьма свѣдущаго, который между своими собратьями пользовался великою репутациею. Жажущій познаній во всѣхъ отрасляхъ, отецъ вступалъ съ этимъ раввиномъ въ разборъ всей религіи, вѣрованій и т. п. Эти свиданія повторялись нѣсколько разъ.

Отецъ пользовался крѣпкимъ и сильнымъ здоровьемъ, былъ хорошо сложенъ и съ пріятной наружностью; пищу любилъ самую простую и, какъ настоящій Венгерець, не отказывалъ себѣ въ полу-бутылкѣ легкаго вина. Тойкайское вино всегда развеселяло его и напоминало его родину, куда онъ мысленно переносился. Въ то же время онъ вездѣ въ тостахъ пилъ за благоденствіе своего новаго отечества и Государя, которому онъ былъ искренно преданъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, при поступленіи брата Александра на военную службу отецъ принялъ подданство Россіи.

Мнѣ остается разобрать отношенія отца къ Сперанскому. Въ наше время, когда заслуги Сперанскаго признаны всею публикою, когда составлена и біографія его, надо удивляться, какимъ образомъ при этомъ случаѣ забыть Валугьянскій, который по службѣ стоялъ такъ близко къ Сперанскому.

Заслуги такого замѣчательнаго человѣка, какъ Сперанскій, по законодательству никогда не имѣли бы столь громаднаго значенія или вѣрнѣе успѣха безъ дѣятельнаго участія Михаила Андреевича. Хотя этотъ послѣдній и былъ подчиненъ ему по службѣ, какъ младшій, но тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ его сотрудникомъ. Михаилъ Михайловичъ не мыслимъ безъ Михаила Андреевича. Михаилъ Михайловичъ

могъ и долженъ былъ быть замѣчательнымъ человѣкомъ и государственнымъ дѣятелемъ въ Россіи, а Михаилъ Андреевичъ могъ быть тѣмъ же и въ другихъ государствахъ. Отецъ признавалъ достоинства и великія способности Сперанскаго и часто говорилъ, что Сперанскій былъ бы совершенно великимъ государственнымъ человѣкомъ, еслибы онъ зналъ Германскій элементъ, который къ сожалѣнію онъ игнорировалъ совершенно (онъ любилъ Французскій и Англійскій, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Германскомъ). Это было важнымъ недостаткомъ въ его развитіи, какъ государственнаго дѣятеля. Въ силу этого многія учрежденія Сперанскаго, разработанныя по программѣ Французскихъ, не выдерживаютъ строгой критики. По законодательнымъ работамъ они оба шли постоянно вмѣстѣ; Сперанскій имѣлъ выгоду Русскаго языка, чего былъ совершенно лишень Михаилъ Андреевичъ, бумаги котораго вчернѣ писались или по-латынѣ, или по-французски, а только въ послѣдствіи онъ освоился съ чуждымъ ему языкомъ. Они были въ непрерывныхъ сношеніяхъ и вели часто переписку и разговоры по-латыни. Ихъ обоюдныя отношенія были хороши, но, быть можетъ, въ глубинѣ души Сперанскій не совсѣмъ искренно любилъ отца. Во всякомъ случаѣ Государь любилъ его больше, чѣмъ Сперанскій. Не буду утверждать, чтобы Сперанскій вредилъ моему отцу, о нѣтъ! Но скромность отца, который всегда оставался въ тѣни, въ сторонѣ, была вѣроятно Сперанскому по-сердцу. Когда шла рѣчь о наградахъ чиновниковъ II-го Отдѣленія, то Сперанскій всегда поощрялъ его къ денежнымъ наградамъ, выставляя на видъ потребности и нужды многочисленнаго семейства Михаила Андреевича. Находясь въ представленіяхъ и докладахъ между отцомъ и Государемъ, Сперанскій всегда старался играть активную роль и отстранять отца отъ непосредственнаго участія въ этихъ докладахъ. До меня дошли теперь слухи, которыхъ я впрочемъ не беру на свою отвѣтственность, что въ Сперанскомъ была всегда маленькая зависть къ моему отцу. По характеру, привычкамъ и внѣшности отецъ и Сперанскій были двѣ противоположности. Сперанскій былъ крайне-остороженъ, молчаливъ, скрытенъ; у него каждое слово было взвѣшено; отецъ же—съ горячею душою, былъ простъ, прямодушенъ, а часто рѣзокъ и очень. Сперанскій вездѣ и всегда держалъ себя съ большимъ тактомъ, отецъ же, напротивъ, не всегда владѣлъ собою. У перваго вездѣ на первомъ планѣ расчетъ и строгая обдуманность, у втораго же *laissez aller*. Сперанскій всегда придворный, эlegantный, джентельменъ, отецъ же небреженъ и невнимателенъ къ себѣ. Первый соглашался дѣлать добро не по добротѣ сердечной, какъ Михаилъ Андреевичъ, а только съ цѣлью, съ расчетомъ. Сперанскій, какъ извѣстно, не имѣлъ система-

тического подготовительнаго образованія и только въ позднѣйшее время уже самъ старался пополнить пробѣлы, въ чемъ онъ конечно и успѣлъ до извѣстной степени; отецъ же имѣлъ постепенную, методическую и строго-научную подготовку. Но всѣ эти противоположности нисколько не мѣшали обоимъ жить въ мирѣ и трудиться сообща.

Послѣ окончанія своихъ неумолимыхъ, громаднхъ работъ отецъ получилъ гербъ, въ которомъ находится книга законодательства съ цифрою XV, означающая 15-ть томовъ его работы. Онъ утвержденъ Государемъ, который вполне оцѣнилъ важность и значеніе этого труда.

Чтобы знать и оцѣнить всѣ работы отца по законодательству по министерству Финансовъ, устройству Банка, Американской Компаніи, Финляндскимъ учрежденіямъ, слѣдуетъ обратиться въ архивы соответствующихъ вѣдомствъ, гдѣ эти труды должны находиться. Но почти всѣ его работы представлялись чрезъ министровъ, а, слѣдовательно, легко можетъ быть, что эти послѣдніе выдавали за свой трудъ то, чтò въ сущности составляло трудъ отца.

Вся жизнь Михаила Андреевича была полна плодотворной дѣятельности; у него всегда и вездѣ на первомъ планѣ былъ самостоятельный трудъ. За славой и почестями онъ не гнался, для него они составляли *vanitas vanitatum*. Нравственной опорой въ тревоженіяхъ жизни ему служила твердая вѣра въ Провидѣніе, и изреченіе: «Да будетъ воля Твоя», которое онъ часто повторялъ, вполне вѣрно охарактеризовываетъ его внутренній міръ.

—

Въ доказательство, какъ глубоко понималъ онъ политику можно припомнить, что лѣтъ тридцать тому назадъ, когда строй общества и правленій былъ совершенно иной, чѣмъ теперь, онъ предсказывалъ, что въ Европѣ совершится громадный переворотъ, причиною котораго будутъ трое: Пальмерстонъ, папа Пій IX-й и король Пруссій. Его предсказанія, какъ показала исторія, были основательны.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ этой статьѣ заимствованы нами и приведены въ примѣчаніяхъ изъ біографіи М. А. Балугьянскаго, сочиненной П. И. Барановымъ и напечатанной (въ 4-ку) въ Спб. въ 1882 г. Оттуда же снятъ и прилагаемый портретъ. П. В.